

Цинь Шо попытался высвободиться, но чужие пальцы сжали его запястье еще крепче. Подавив подступившую неприязнь, он заставил себя перетерпеть это непозволительно близкое, нарушающее все приличия прикосновение и сквозь зубы процедил:

— Говори, что знаешь.

В Обители в Сердце Озера сейчас не было ни души. Слуга Сяо Дин еще вчера отпросился со службы, и когда вернется — бог весть. На дворе стояла глухая полночь — время третьего стража. Защитный барьер надежно укрывал дом, отсекая любые звуки, так что уповать на помощь учеников из соседних покоев не приходилось. Цинь Шо понимал: сейчас разумнее не лезть на рожон, а подыграть этому лису, чьи истинные помыслы оставались загадкой.

Лянь Чжао снова тихо рассмеялся. Он прекрасно видел, как корбит собеседника, но намеренно делал вид, будто ничего не замечает.

Прохладные пальцы нежно скользнули по смуглой шее Цинь Шо. Лянь Чжао всматривался в его кожу — там, скрытые от глаз простых смертных, проступали алые знаки проклятия. Рука лиса опускалась все ниже, ведя по телу, скользнула под распахнутый ворот и коснулась полураспущенного пояса. Но стоило пальцам продвинуться чуть дальше, как повторилось то же, что и вчера: Лянь Чжао резко отбросило мощной, неведомой волной чужой силы. В воздухе отчетливо запахло паленым, и зеленые глаза лиса мгновенно потемнели от досады.

«Выходит, печать наложена именно здесь, — сообразил он. — И пяди лишней коснуться не позволяет».

Пока лис блуждал в лабиринтах собственных мыслей, Цинь Шо улучил момент. Он резко скатился с постели и, даже не успев запахнуть легкие ночные одежды, бросился к выходу.

Но стоило ему добежать до порога, как створки окон и тяжелая дубовая дверь с глухим стуком захлонулись прямо перед его носом. Цинь Шо рванул кольцо замка раз, другой — бесполезно, дерево словно приросло к косяку.

Из-за недолеченных ран он не мог сгустить в меридианах ни капли духовной силы. Лишенный магии, слабый, точно обычный смертный, он метался по комнате, как загнанная в клетку птица, не в силах ничего предпринять.

Воздух в спальне сделался ледяным. По спине Цинь Шо пробежал озноб. Поняв, что бежать некуда, он медленно опустил руки и обернулся к Лянь Чжао, который по-прежнему вольготно сидел на постели.

— Что же ты остановился? — с издевкой спросил тот.

Лунный свет рисовал на стене позади кровати причудливую, грозную тень — вздымающиеся,

колышущиеся девять хвостов, безмолвное и опасное предостережение. И все же сам Лянь Чжао сохранял человеческий облик. Он даже не шевельнулся, лишь смотрел на пленника с мягкой улыбкой:

— Вижу, ты остался все таким же наивным, как и прежде.

Цинь Шо нахмурился. Он прекрасно понимал, что этот гость далеко не прост, и если уж избежать разговора нельзя, придется встретить опасность лицом к лицу.

— Что тебе от меня нужно? — прямо спросил он.

— Неужели ты правда не догадываешься? — вкрадчиво протянул Лянь Чжао.

Он плавно поднялся с постели и двинулся вперед. Шаги его были бесшумными, а голос звучал пугающе нежно, почти интимно:

— Ведь когда-то... мы были так близки.

За окном яростно завыл ветер, раскачивая ветви деревьев. Их изломанные тени заплясали по стенам вокруг Цинь Шо, напоминая тянущиеся к нему костлявые когти. Тень самого Лянь Чжао медленно наползла сверху, поглощая его целиком. Голос лиса зазвучал тише, в нем сквозила ядовитая обида, когда он принялся распутывать клубок их общего прошлого:

— А теперь ты водишь дружбу с тем, кого презирал больше жизни, а меня клеймишь врагом. Неужели ты позабыл, о чем шептался со мной во хмелю? Твой дражайший младший брат Бай Юй, который сейчас так трогательно пылинки с тебя сдувает, прежде был в твоих глазах лишь паршивой псиной — той, что ластится вопреки любым пинкам. Ты ведь нарочно сослал его во внешний круг, на самое дно, чтобы он гнул спину на черной работе. Ты плевался, уверяя, что тебя тошнит от его приторной, фальшивой заботы, и прилюдно топтал любые его дары. В лютый мороз ты гнал его босиком на задний склон таскать ледяную воду, чтобы он мыл тебе ноги. Вся обитель знала, как сильно ты его ненавидишь и как страстно желаешь его смерти. И что же я вижу теперь? Откуда взялась эта великая братская любовь?

— Быть не может! — выдохнул Цинь Шо.

От слов лиса по телу побежали колющие мурашки, а в висках заворочалась тупая, пульсирующая боль. Он и раньше слышал нечто подобное от других, но никак не мог поверить, что был способен на такую низость и жестокость к собственному брату.

— Мне говорили, я просто оступился, совершил ошибку... А младший брат...

— Какими еще словами мне воззвать к твоему разуму, чтобы ты наконец открыл глаза: они все тебе лгут, — вздохнул Лянь Чжао.

Он покачал головой, и в его голосе зазвучало мнимое сострадание, смешанное с горькой укоризной:

— Труссы из Безжалостной обители будут помалкивать, но я скрывать истину не стану. То, что связывает тебя с Бай Юем, не укладывается в их лживые сказки. Если называть вещи своими именами, вы никогда не были друзьями. Вы заклятые враги.

В глазах Цинь Шо отразилось глубокое сомнение. Ему отчаянно не хотелось верить этому существу.

— Если все обстоит так, как ты малюешь, зачем ему выхаживать меня после того, как я все забыл?

— Вот над этим тебе и стоит крепко призадуматься, — Лянь Чжао сузил глаза, и в глубине его изумрудных зрачков блеснула опасная искра. — Человек, которого ты годами втаптывал в грязь, внезапно забывает все обиды и становится преданной сиделкой. И это при том, что когда-то... ты украл у него саму судьбу.

— Ложь! — Цинь Шо стиснул кулаки, но предательская дрожь выдавала его страх. — Я не мог совершить ничего подобного!

— Двести лет назад глава обители Даохуа Симин спустился в мир смертных в поисках знамения судьбы, — неторопливо, словно сказитель, начал Лянь Чжао. — И набрел в заброшенном храме на маленького оборванца с редчайшим, чистейшим даром к совершенствованию.

Пляшущие на стене тени вытянулись, словно увлекаемые его голосом назад, в ту самую ночь, когда колесо судьбы сделало свой первый роковой оборот.

— Безродный побирушка понятия не имел, кто пред ним стоит, но без тени сомнения разделил со старым путником свой последний сухой маньтоу. Симин, разглядев в мальчишке великое будущее и сжалившись над сиротой, решил забрать его в Безжалостную обитель. Они условились встретиться на следующий день в час Свиньи. Вот только когда назначенное время пришло, у ворот храма главу обители ждал вовсе не тот нищий сирота. На встречу явился другой мальчик — изнеженный барчук из разорившейся благородной семьи, ютившийся в той же развалившейся хижине.

Лянь Чжао резко умолк и в упор посмотрел на Цинь Шо. На его губах все еще блуждала мягкая ухмылка, но взгляд обдавал могильным холодом.

— Этот юный господин привык к роскоши и никогда не знал лишений. Даже когда его семья пошла по миру, он устроился неплохо — жил за счет того самого маленького нищего, который делился с ним крохами. Но благодарность была ему неведома. Он заявил главе ордена, будто его спаситель бесследно исчез, а сам занял его место, став личным учеником великого

мастера. Ложь вскрылась лишь двадцать лет спустя, когда Безжалостная обитель открыла свои ворота для новых послушников внешнего круга. Оказалось, что сирота вовсе не пропадал. Кто-то трусливо столкнул его в пропасть... вот только мальчишка выжил.

Договаривать не требовалось — Цинь Шо все понял. Кровь отхлынула от его лица, пальцы онемели от холода, а мысли спутались в тяжелый ком. Вопросов было слишком много, мозг отказывался принимать эту страшную правду. Но стоило ему открыть рот, чтобы потребовать объяснений, как ночную тишину за окном разорвал резкий, свистящий звук.

Острое лезвие пробило бумагу на оконной раме и со свистом полетело прямо в голову Лянь Чжао. Лис среагировал мгновенно: сквозь зубы процедил проклятие и, прямо в воздухе обратившись в зверя, уклонился от смертоносного удара.

Дверь с грохотом распахнулась под напором невидимой силы. Ворвавшийся в спальню ураганный ветер заставил Цинь Шо зажмуриться и закрыть лицо широким рукавом. Когда же вихрь улегся и он опустил руку, в комнате уже никого не было.

Лишь кинжал, по самую рукоять ушедший в стену, напоминал о том, что недавний визит не был порождением его воспаленного разума. Вокруг воцарилась прежняя сонная тишина.

Все еще вздрагивая от пережитого страха, Цинь Шо подошел к двери и запер ее на засов. Он понятия не имел, чей клинок спас его в эту ночь, но мысли в голове путались все сильнее, превращаясь в невыносимую кашу. Потребовалось немало времени, чтобы унять дрожь в руках и заставить сердце биться ровнее. Измученный, он лег обратно в постель. Но едва веки отяжелели и сознание начало соскальзывать в сон, в глубине его разума отчетливо прозвучал знакомый голос:

"Запомни: в этой обители ты не должен верить ни единой душе. Никому, кроме меня. Даже Сун Ваньчэню".

Голос растаял без следа. Комната погрузилась в глухую, давящую тишину.

В эту ночь Цинь Шо приснился сон.

Он видел бескрайнее кровавое марево. На сырой земле лежал замертво человек в одеждах совершенствующегося, его лица было не разглядеть. Вокруг него расплывалось огромное багровое пятно, в котором плавали отрубленные лисьи хвосты. Рядом, едва дыша, скорчился умирающий лис.

Истекающий кровью зверь из последних сил подполз к распростертому телу и осторожно, почти благоговейно прижался головой к его холодной щеке. Лис не размыкал пасти, но Цинь Шо отчетливо слышал его тихий, угасающий шепот:

"Отсеки их..."

"А последний хвост... я оставляю тебе".

<http://bllate.org/book/20094/1998476>